

ИСТОРИЯ
РОССИИ
XX век

Авторский коллектив

Генеральный директор проекта и ответственный редактор
Доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД РФ
Андрей Борисович Зубов

*Авторы (должности и научные звания авторов указаны на момент написания
ими разделов книги):*

Кирилл Михайлович Александров, кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного университета

Николай Владимирович Артемов, протоиерей (Мюнхен, Германия)

Сергей Станиславович Балмасов, историк (Тверь)

Алексей Николаевич Бобринский, заместитель директора Российского центра защиты леса (Москва)

Николай Алексеевич Бобринский, магистрант МГИМО(У) МИД РФ

Сергей Владимирович Волков, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Российской государственной публичной библиотеки (Москва)

Иван Иванович Воронов, кандидат исторических наук, доцент Хакасского университета (Абакан)

Наталья Львовна Жуковская, доктор исторических наук, профессор Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

Александр Владимирович Журавский, кандидат исторических наук, кандидат богословия

Ирина Андреевна Зубова, аспирант МГИМО(У) МИД РФ

Андрей Борисович Зубов, доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД РФ

Даниил Андреевич Зубов, журналист,

Владислав Мартинович Зубок, доктор исторических наук, профессор университета Темпл (Филадельфия, США)

Борис Семенович Илизаров, доктор исторических наук, директор Народного архива (Москва)

Дмитрий Михайлович Калихман, доктор технических наук, профессор Саратовского государственного технического университета

Алексей Алексеевич Кара-Мурза, доктор философских наук, заведующий отделом Института философии РАН (Москва)

Алексей Николаевич Келин, член Совета правительства Чешской Республики по вопросам национальных меньшинств, член правления общества Русская традиция (Прага)

Владимир Александрович Колосов, доктор географических наук, заведующий отделом Института географии РАН (Москва)

Михаил Александрович Краснов, доктор юридических наук, заведующий кафедрой Высшей школы экономики (Москва)

Владимир Михайлович Лавров, доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН (Москва)

Вячеслав Викторович Лобанов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Ирина Владимировна Лобанова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва)

Борис Николаевич Любимов, кандидат искусствоведения, профессор, ректор Высшего Театрального Училища им. М.С. Щепкина (Москва)

Владимир Иванович Марахонов, кандидат физико-математических наук (Санкт-Петербург)

Георгий (Юрий) Николаевич Митрофанов, протоиерей, профессор, заведующий кафедрой истории русской церкви Санкт-Петербургской Духовной академии

Татьяна Григорьевна Нефедова, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН (Москва)

Ричард Пайпс, почетный профессор Гарвардского университета (США)

Александр Вадимович Панцов, доктор исторических наук, профессор Капиталийского университета (Колумбус, Огайо, США)

Юрий Сергеевич Пивоваров, академик РАН, доктор политических наук, директор Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва)

Геннадий Викторович Попов, доктор искусствоведения, директор Музея им. преп. Андрея Рублева (Москва)

Борис Сергеевич Пушкарев, директор НП «Содружество «Посев»» (Москва)

Михаил Викторович Славинский, филолог (Франкфурт-на-Майне, Германия)

Владимир Викторович Согрин, доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД РФ

Витторио Страда, доктор философских наук, почетный профессор Венецианского университета (Италия)

Никита Алексеевич Струве, доктор философских наук, профессор университета Париж-10 (Франция)

Леон-Габриэль Тайван, доктор исторических наук, профессор Латвийского университета (Рига)

Николай Дмитриевич Толстой-Милославский (Лондон, Великобритания)

Тихон Игоревич Троянов, доктор юридических наук, адвокат (Женева, Швейцария)

Сергей Львович Фирсов, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Василий Жанович Цветков, кандидат исторических наук (Москва)

Юрий Станиславович Цурганов, кандидат исторических наук (Москва)

Владимир Алексеевич Шестаков, доктор исторических наук, ученый секретарь Института российской истории РАН (Москва)

Светлана Всеволодовна Шешунова, доктор филологических наук, профессор Международного университета природы, общества и человека (г. Дубна, Московская область)

Рустам Мухамедович Шукуров, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета

Шариф Мухамедович Шукуров, доктор искусствоведения, заведующий отделом Института востоковедения РАН (Москва)

Предисловие к новому изданию

Дорогой читатель.

Первое издание этой книги вышло семь лет назад. Оно выдержало много переизданий, на него была обращена серьезная критика и немало слов одобрения и поддержки. Мы, авторы книги, постоянно исправляли замеченные читателями неточности и ошибки, вставляли дополнительные факты и свидетельства. Это новое издание действительно, как пишут книготорговцы, «исправленное и дополненное», причем — существенно.

Новое издание выходит в очень изменившейся России и в очень изменившемся мире. Тогда, когда мы работали над текстом книги, в 2007 году, многим из нас казалось, что, пусть не без трудностей, но Россия успешно движется к изживанию своего коммунистического прошлого, к восстановлению органического единства с той страной, какой была Россия до ее порабощения большевиками. Увы, последнее десятилетие наглядно показало, что путь от тоталитарного прошлого к достойной свободной жизни далеко не так прям и короток, как нам бы хотелось.

Являясь ответственным редактором книги, я принял решение не пытаться угнаться за современностью, не превращаться в летописца, продлевающего своё «сказание» год за годом. Помню, что тогда, в 2008 г. я принял решение прервать повествование на 2007 г. и не рассказывать о новых, тогда поразивших меня тенденциях русской политики — откровенной фальсификации избирательного процесса на думских выборах декабря 2007 г. и президентских — 2008 г., выдвижении преемника, сговоре внутри элит. Я вдруг увидел тогда, что начался стремительный отход правившей в стране власти от принципов политической свободы, от самого духа демократии. Теперь я решил просить авторов дописать тот избирательный цикл и остановиться на инаугурации г-на Медведева в мае 2008 г. Дальнейшее осталось за пределами книги — и массовые протесты против фальсификаций новых выборов в 2011–2012 гг., и авантюры в области внешней политики — аннексия Крыма, войны в Грузии, в Украине, в Сирии. Об этом пусть пишут другие историки. История России XX века закончилась в мае 2008 г. Тогда же началась история России в ныне продолжающемся столетии. Это история возвращающегося авторитаризма и, соответственно, вновь история борьбы граждан за достоинство и свободу. В годы Перестройки, в годы президентства Б.Н. Ельцина и, даже, в первые два президентства

В.В. Путина (2000–2008) имело место редкое в России сотрудничество власти и общества в великом деле восстановления страны. Да, это сотрудничество было далеким от гармонии, не охватывало всего общества, но оно было. Теперь место сотрудничества заняло манипулирование сознанием граждан — постыдное и, в конечном счете, всегда провальное дело. Историк XXI века опишет, как шел этот процесс, но совершенно естественно, что этим историком не смогу быть я.

Новое издание — возвращение к замыслу трехтомника. Именно такую структуру книги я видел первоначально. Но страх кризиса, боязнь, что громоздкий трехтомник не будет пользоваться спросом у обедневшего читателя, заставил издательство «АСТ-Астрель» издать книгу в двух очень объемных томах, неудобных для чтения. Надеюсь, что нынешнее издание будет более удобным.

Я рад, что удалось и на этот раз воспроизвести главную идею оформления книги — простые, мало кому, кроме их близких, известные люди на ее обложке. Это книга об обычных людях России и для обычных людей России, пусть же их глаза смотрят на нас, их улыбки согревают наши сердца, а их скорбные, порой измученные лица напоминают нам, что ужасы XX века не должны повториться в России, что человек, как высшая ценность, должен наконец восторжествовать в нашем мирозерцании и подчинить себе и идол государственной власти, и идол экономического могущества и идол социального или этнического превозношения.

Во внутренней структуре книги я решил разбить огромную главу о послесталинской эпохе коммунистической диктатуры на две — эпоха Хрущева (1953–1964) и эпоха от Брежнева до начала правления Горбачева (1964–1985). Несмотря на то, что ряд тем общи для обоих периодов, это всё-таки очень разные эпохи. Подобно совсем недавнему времени, первая из них, при всех ужасах Новочеркасской бойни и Кубинского кризиса может быть названа эпохой надежды, а вторая, несмотря на сравнительно сытую и мирную жизнь, сама себя назвала временем «застоя», а застоившаяся вода, как известно, гниёт и становится ни к чему не годной. Так и вышло с коммунистическим режимом в 1980-е годы.

Историк, если он настоящий историк, не может быть просто беспристрастным ученым. Он всегда — гражданин. Как ученый он должен не искажать факты, не скрывать происходившее, но интерпретации фактов и явлений, оценки и суждения — дело его гражданской совести. Карамзин здесь отличается от Ключевского, Платонов — от Георгия Вернадского. Эту книгу писал очень большой авторский коллектив, и далеко не все факты, приведенные в ней, были мне известны заранее. Тут я доверял авторам и отвечаю за каждое слово опосредованно, потому что сам собирал авторский коллектив. Но оценки и суждения — все непосредственно на моей совести. Я и только я, будучи ответственным редактором, несу за них, по определению, полную ответственность.

Дорогой читатель, не познав прошлое, нельзя надежно и уверенно строить будущее. Мы, авторы «Истории России. XX век» сделали, что могли, чтобы Ваш путь в будущее был сознательным и серьезным, ответственным и разумно осторожным. Читая эту книгу, Вы возвращаете себе Россию, а, возвращая отечество, — обретаете будущее.

Андрей Zubov
Москва. Июль 2016 г.

Предисловие ответственного редактора

Дорогой читатель!

Книга, которую Вы держите в руках, написана большим авторским коллективом, более чем сорока учеными, живущими в разных городах России и во многих странах мира. Все мы ставили перед собой совершенно определенную задачу — рассказать правду о жизни и путях народов России в XX веке. В 1927 г., во Франции наш знаменитый профессор-историк генерал Николай Головин спросил Великого князя Николая Николаевича: *«А как писать о России?»* Великий князь ответил: *«Россия может освободиться только тогда, когда мы о ней будем говорить правду, одну лишь правду»*. Мы помнили и мудрый завет Владислава Ходасевича: «Истина не может быть низкой, потому что нет ничего выше истины. Пушкинскому “возвышающему обману” хочется противопоставить *нас возвышающую правду*». Этот принцип и лёг в основание нашей книги, хотя правда порой оказывалась горькой, ранящей душу.

Мы исходили из убеждения, что история, как и любое творение человека, требует не только фиксации фактов, но и их нравственного осмысления. Добро и зло не должны быть безоценочно перемешаны в историческом повествовании. Наше общее убеждение состоит также в том, что высшей ценностью является не земля, не государство, а человек, живая личность. Ради своего существования на земле человек возделывает эту землю, ради своего мира и благополучия создает государство. И там, где человек страдает, где ему плохо, где он не может достойно воспитать детей, научить их правде и добру, где лишается имущества, а то и самой жизни, там мы должны говорить об исторической неудаче, о провале жизни, о национальной трагедии. Но мы также убеждены, что историческая трагедия не происходит на пустом месте — сам человек своим выбором к добру или ко злу определяет своё будущее счастье или своё будущее горе. И народы неотличимы здесь от индивидуумов. Только выбор, совершаемый ими, — коллективен.

До предела трагичным был для народов России XX век. В XX веке Россия раскололась, и осколки эти не соединены до сих пор. В Гражданской войне 1917–1922 гг. брат сражался с братом, а потом часть России, во многих отношениях лучшая, самая ответственная, культурная, думающая, ушла или была изгнана из пределов отечества.

И стали две России — Зарубежная и Внутренняя. Поэтому со времен Гражданской войны мы ведём повествование не об одной, но о двух Россиях — без жизни Русского Зарубежья русское общество уже неполно, уже ущербно. Одна Россия жила в «неслыханной свободе», но без земли, другая — на родной земле, но вовсе без свободы.

И здесь — второй раскол. Раскол на общество и власть. Далеко не все и на родине смирились с коммунистическим режимом, постепенно утвердившимся после октябрьского переворота на большей части исторической России. Многие, очень многие боролись с ним, кто с оружием в руках, кто словом, кто своей, несомненной совестью. Поскольку режим, лишивший людей России права на веру в Бога, права на жизнь и достоинство, есть безусловное зло, то борьба с ним, сопротивление ему заслуживают благодарной оценки и внимательного изучения. Вновь разделилась Россия — на тех, кто был с властью, с коммунистическим режимом, и тех, кто был против коммунистической власти, в сознательном или бессознательном сопротивлении ее воле. Поэтому истории общества, истории народа, его настроениям мы уделяем не меньшее внимание, чем истории власти и государства.

Мы говорим в книге — *народ России, русский народ*, как правило, имея в виду не этническую и культурную, но политическую принадлежность. Русский народ был многокультурным и разноязыким в начале XX века, таким осталась и большая часть его, оказавшаяся под большевиками, таким было и Русское Зарубежье, и те окраины исторической России, которые избежали на время или навсегда коммунистической деспотии. У одних любовь к своим корням — великорусским, татарским, еврейским, польским гармонично соединялась с ощущением русской политической общности, у других — вступала с ними в жесткий конфликт, взрывалась этническим национализмом. Но многие десятилетия и даже века совместной жизни в России наложили свой ясный отпечаток и на тех, кто принимал с готовностью русскую политическую общность, и на тех — кто отвергал её с горячностью и решительностью. И потому мы позволяем себе говорить о русском народе как о политическом явлении XX века, далеко выходящем по языку и, тем более, по крови, за пределы великорусской народности.

В истории нет жестких связей между численностью и влиянием. Иногда один человек может изменить судьбы миллионов, немногие — преобразить великое множество и к добру, и ко злу. Эмиграция была малочисленна в сравнении с народом Внутренней России, сознательную борьбу с режимом вели порой только сотни и, самое многое, тысячи людей, но к их делам и мыслям мы должны отнестись столь же внимательно, как и к действиям большинства народа. И потому в книге Вы найдете специальные разделы, посвященные борьбе людей России за свободу свою и своих соотечественников от деспотического и растлевающего совесть режима.

Наконец, нашу задачу мы видели в том, чтобы русской истории вернуть человека и исторический факт, из безличного описания «объективных процессов» и «движущих сил» вновь сделать историю личностной и фактичной. Поэтому воспоминания очевидцев, биографические справки, да и самые имена людей, а также фрагменты важных документов часто встречаются на страницах книги. Мы старались писать историю людей, а не историю процессов и сил.

Эта книга была написана за очень короткий период времени, и ее создать вовсе не было возможности, если бы не слаженный труд многих десятков авторов, часто живущих за тысячи километров друг от друга. В ней неизбежны погрешности и, скорее всего, есть даже ошибки, и за них я прошу простить нас. Они — невольны. Мы всеми силами старались их избежать.

Отдельные авторы писали разделы, которые потом рецензировались другими авторами, вносящими свои предложения, добавления, делавшими замечания. Всё это учитывал и объединял в один общий текст ответственный редактор. Потому-то он и ответственный. За всё хорошее в этой книге благодарите авторов — они сделали всё, что могли. Все недостатки — на мне.

Особую благодарность мне приятно выразить тем коллегам, которые, не являясь членами авторского коллектива, приняли на себя труд прочтения и внутреннего рецензирования всей рукописи или некоторых её частей, подготовку картографического и иллюстративного материала, обеспечение необходимой финансовой и правовой поддержки проекта. Клара Алексеевна Янович-Страда, Гелиан Михайлович Прохоров, Яков Михайлович Аранович, Геннадий Петрович Аксенов, Сергей Васильевич Касьяненко, Филипп Бубайр, Томаш Зарыцкий, Анджей Новак, Владимир Иванович Крестовский, Вероника Юрьевна Одинцова, Владимир Сергеевич Тикунов, Артур Аркадиевич Цуцисв, Алексей Сергеевич Титков, Александр Георгиевич Хропов, Анатолий Яковлевич Разумов, Милослав Смараджич, Юрий Любимов, Николай Николаевич Комедчиков, Александр Георгиевич Савельев, Сергей Александрович Сафронов, Тамара Владимировна Русина, Дмитрий Георгиевич Голенко, Вадим Анатольевич Сергиенко, Виктор Викторович Аверков, Савелий Валерьевич Мартыненко, Регина Аделевна Бахтеева своим трудом очень помогли и авторам и, я надеюсь, читателям «Истории России. XX век».

Пусть же послужит эта книга припоминанию правды нашей жизни и, через осознание прошлых путей, откроет нашему народу будущее, достойное его былых испытаний и его великой судьбы.

Андрей Зубов

РОССИЯ В ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА (1923–1939)

Глава 1

ПОИСКИ ПУТЕЙ И УТВЕРЖДЕНИЕ СТАЛИНИЗМА (1923–1928)

3.1.1. От военного коммунизма к НЭПу. Лжестермидор

К концу 1922 г. большевики добились одной из своих главных целей — они подавили и изгнали из России организованную либерально-демократическую контрреволюцию. Победа была достигнута ценой жесточайшего запугивания населения смертью («Красный террор»), изнурения его голодом (продовольственная разверстка), лишения людей любых независимых источников существования (военный коммунизм) и, наконец, пропагандистской ложью, утверждавшей, что Белые желают восстановить крепостное право и царскую власть.

Когда победа была достигнута в Европейской России к весне 1920 г., никаких послаблений большевицкий режим не осуществил. И тогда по всей России вспыхнули народные восстания, размах которых во много раз превзошел и движение Разина в XVII в. и Пугачевский бунт в XVIII-м. При подавлении крестьянских и рабочих выступлений в 1921–1922 гг. погибло, умерло от ран, тифа и холеры 238 тысяч красноармейцев, военнослужащих ЧОН и партийных работников. Восставших погибло, скорее всего, значительно больше.

Всеобщее возмущение было, как и в предшествующие годы, успокоено неограниченным террором и спланированным голодом. Но результаты этих мер, усугубленные засухой 1921 г., оказались столь трагическими, что большевицкие вожди в 1921 г. были поставлены перед возможностью оказаться или свергнутыми всеобщим отчаянным бунтом голодных крестьян, рабочих

и армии — в 1920–1921 гг. все население России, кроме новой элиты партийных функционеров и их гвардии, было против большевицкого режима; или оказаться правителями без народа, который погибнет в борьбе, уйдет за границу и вымрет с голоду. «На экономическом фронте, — признавался Ленин, — с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение гораздо более серьезное, гораздо более существенное и опасное». «Россия после революции — погорелое место», — констатировал П.Б. Струве.

Мнение историка:

«Россия выжила в гражданской войне, но какой ценой? Новое государство, возникшее в результате грандиозного социального переворота, прошло через потрясения такой разрушительной силы, каких не испытывала ни одна страна в данный период современной истории. Россия лежала в руинах, потеряв в кровопролитных сражениях... огромную часть населения... Продолжавшийся упадок производства и развал транспорта вели к полному обнищанию народа». — Г.Вернадский. Русская история. С. 331.

В этой, казалось бы, безвыходной ситуации большевицкие вожди нашли решение, хотя и опасное для них, но все же дававшее шанс на удержание власти: обескровленное террором и голодом население успокоить восстановлением нормальной рыночной экономики, которая тут же накормит голодных и увлечет трудящихся возможностью располагать результатами своего труда, при одновременном полном сохранении всецелой политической и идеологической власти за большевицким режимом. Новая экономическая политика (НЭП), а именно так стали называть этот курс большевиков с конца 1921 — начала 1922 г., была опасна для большевиков в первую очередь тем, что возрождала независимого от их власти человека — хозяйственно самостоятельного субъекта, который, обретя экономическую свободу от режима, естественно, возжелает свободы политической и свободы в сфере идей. Русское общество, так последовательно и старательно уничтоженное большевиками в годы Гражданской войны, могло быстро восстановиться вместе с народным хозяйством, а это означало для большевицкого режима и его вождей полную гибель — самоорганизовавшийся русский народ своих жестоких поработителей не потерял бы ни дня. Поэтому в политической и идеологической сферах большевики не только не предполагали послаблений, но, напротив, готовились к новым ужесточениям, а в экономике допускали либерализацию только в тех пределах, в которых она легко могла быть свёрнута властью, когда к тому будет необходимость. Именно в 1922–1923 гг. большевики начали новые широкомасштабные гонения на Церковь, расправились с социалистическими партиями — эсерами и меньшевиками, установили всецелую цензуру, расширили полномочия карательной машины ВЧК–ОГПУ. «Как правящая

партия, — объявлял Троцкий в 1922 г., — мы можем допустить спекулянта в хозяйство, но в политическую область мы его не допускаем».

В большевицком руководстве в 1919–1921 гг. шли споры — давать ли обществу послабления или дожимать его до конца. В конце 1919 г. Ленин клялся, что скорее всё население России вымрет, чем он ослабит государственную монополию на торговлю зерном (ПСС. Т. 39. С. 407). Троцкий, как он сам пишет в автобиографии, пытался убедить товарищей по ЦК заменить продразверстку продовольственным налогом уже в феврале 1920 г., но тогда потерпел полную неудачу. После долгих колебаний и споров только 15 марта 1921 г., сразу же после подавления восстания в Кронштадте, X съезд РКП(б) постановил отменить продразверстку. Совнарком обнаружил это решение 23 марта.

«Я прошу вас, товарищи, ясно понимать, — говорил Зиновьев в декабре 1921 г., — что новая экономическая политика есть лишь временное отклонение, тактическое отступление, освобождение земли для новой и решительной атаки труда на фронте международного капитализма». Ленин любил сравнивать НЭП с Брестским договором 1918 г., когда тоже многим казалось, что большевики стали вассалами германцев, а на самом деле для большевиков Брестский мир был лишь тактическим шагом с целью удержания власти, а не союзом «навсегда». «Мы идем на экономические уступки, чтобы избежать политических», — откровенно высказывался Бухарин. Суть НЭПа была в обеспечении сохранности политических завоеваний большевиков ценой экономических подачек, которые легко могут быть взяты назад.

Далеко не все, как большевики, так и враги большевизма, правильно поняли НЭП. Для многих непосвященных в тайны большевицкой верхушки членов их партии НЭП казался «предательством Октября» и изменой коммунизму. Для многих врагов большевизма НЭП казался знаменем надежды, что жестокий антинародный режим, столкнувшись с жизнью, начал перерождаться в нормальное государство, что «жизнь берет свое». И, вслед за рынком, вскоре начнут смягчаться и преследования инакомыслящих, и гонения на Церковь, исчезнут ужасные концентрационные лагеря и чрезвычайки. П.Н. Милоков говорил летом 1925 г. корреспонденту *Chicago Tribune*, что «новая экономическая политика заставит, в конце концов, советское государство пойти на компромисс по всей линии путем процесса устранения и восстановления. Ибо большевики уже не являются хозяевами в собственном доме».

Одни с надеждой, другие с ужасом называли НЭП «термидором русской революции», вспоминая календарь революции французской, на которую любили равняться русские революционеры. Месяц июль революционный календарь французов назвал термидором. В июле 1794 г. пала жестокая якобинская революционная власть, напоминавшая большевицкую, и Франция начала свою эволюцию к умеренному режиму, завершившемуся восстановлением монархии и реставрацией династии Бурбонов через двадцать лет — в 1815 г. Но во Франции термидор начался свержением и казнью Робеспьера и его соратников якобинцев, в России же сами якобинцы — Троцкий, Ленин,